

12 КРҮ2030Р-72

В. И. ЛЕНИН

...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем,
что на нашу долю выпало счастье
начать постройку советского
государства, начать этим новую эпоху
всемирной истории,
эпоху господства нового класса,
угнетенного во всех капиталистических
странах и идущего повсюду к новой жизни,
к победе над буржуазией, к диктатуре
пролетариата, к избавлению человечества
от ига капитала, от империалистских войн.

Коммунизм начинается там, где появляется
самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд,
забота рядовых рабочих об увеличении
производительности труда, об охране
каждого пуда хлеба, угля,
железа и других продуктов, достаемых
не работающим лично и не их «ближним»,
а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам
и сотням миллионов людей, объединенных сначала
в одно социалистическое государство, потом
в Союз Советских республик.

В. Ильин (Вин)

ПЯТИЛЕТКА.

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

Пятилетку делаем мы, каждый из нас. Пять лет — пять новых ступеней в будущее. Но каждый шаг требует от нас новой вооруженности знаниями и техникой, нового качества труда.

Когда я слышу популярную в свое время песню «Спят курганы темные», вспоминаю молодость. Тогда мне казалось, эта песня написана обо мне... Я пришел на шахту по комсомольскому призыву в канун первой пятилетки. Начал с ликбеза, с кружка техминимума. Затем сдавал государственный экзамен для рабочих ведущих профессий, который был введен по инициативе Серго Орджоникидзе. И только после этого почувствовал: могу работать по-настоящему.

Память возвращает в ту удивительную ночь, когда вместе со своими товарищами я спустился на участок «Никанор — Восток» кадиевской шахты «Центральная — Ирмино». Мы расчленили процесс труда на операции. Крепильщики Щиголев и Калинин еле поспевали за мной. Было отличное настроение, усталости — никакой. Кончилась смена, подсчитали и удивились: 102 тонны угля! Это же целых шесть вагонов!

Правда, в августе 1935 года думалось мне, что труднее всего установить рекорд. Оказалось, его еще и удержать нужно. Спусти четыре дня парторг забойщиков Дюканов добыл за смену 115 тонн угля, а днем позже Концедалов нарубил 125 тонн. Время будто несло нас на крыльях к намеченной цели. А цель была одна: мы строили новое, социалистическое общество. По-новому нужно было и работать. Рекордсмены шли на отстающие участки, становились учителями масс. Это ли не истоки починов ткачих из Вышнего Волочка Валентины Гагановой, кубанского хлебороба Владимира Первницкого?

За рубежом кое-кто скептически отзывался о наших рекордах. Считали, что они достигнуты за счет уникальной «стахановской» физической силы. И вот как-то к нам на шахту приехала делегация французских шахтеров. Углекопы из Франции присмотрелись к нашему методу, поработали с нами и без особого напряжения вырубили по 3—4 наших прежних нормы. «Ваши достижения, — заявили они, — возможны только при социалистическом строе, когда человек человеку — товарищ...»

Вот, оказывается, в чем заключалась наша сила — в особой психологической атмосфере коллективного творческого труда. У нас каждый может быть Стахановым, где бы он ни работал — в поле, на заводе, в шахте. Мой учитель, знаменитый донецкий забойщик Никита Изотов, говорил: «Мы, Алексей, строим одну магистраль. И каждый должен положить свой участок так, чтобы казалось: дорога строилась на едином дыхании».

...Немало лет пролетело с тех пор. Но день вчерашний для меня всегда стоит рядом с сегодняшним днем, торжит его. Радостно сознавать, что огонек соревнования, зажженный нами в 30-е годы на донецкой шахте, не погас, разгорелся во всенародный костер. Теперь невозможно представить нашу жизнь, работу без соревнования. Оно стало нормой, оно объединяет

ГОДЫ И МИНУТЫ

Алексей
Стаханов
среди
молодых
горняков

Вот они, герои
девятой пятилетки:
Иван Стрельченко,
Михаил Довжик,
Зоя Сафонова —
продолжатели
всемирного
движения,
родившегося
в 30-е годы.

нас в одну большую трудовую семью. Донбасс соревнуется с Кузбассом, хлеборобы Дона и Кубани — с алтайскими земледельцами, республики Средней Азии — с республиками Прибалтики. Как справедливо подчеркивается в Постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик», «всемирная история еще никогда не видела во взаимоотношениях десятков наций и народов столь нерушимого единства интересов и целей, воли и действий, такого духовного родства, доверия и взаимной заботы, какие постоянно проявляются в нашем братском союзе».

Но нынешнее соревнование, естественно, не может быть таким же, как вчерашнее. Меняются направления усилий, и коллективных и личных. На моих глазах лозунг «Количество» дополнился словом «качество!», а ликой клич: «Любой ценой!» — уступил место трезвому учету: «Какова прибыль?» Сейчас характер соревнования определяется задачами девятой пятилетки. Что означает это? На новом уровне, другими путями ведется борьба за экономию сырья и материалов, за снижение трудовых затрат, повышение качества продукции. Важные приметы нынешней пятилетки, как мне представляется, — уважительное отношение к рабочей минуте, точный экономический расчет. Такое же ощущение у моих друзей-шахтеров, этим живут все многонациональные трудовые коллективы нашей страны...

Прямо мне было услышать недавно новость: одна из лучших горняцких бригад, Владимира Тимченко, решила отметить годовщину моего рекорда повышенной добычей, вызвав на соревнование другие шахты. Получил я немало телеграмм от своих молодых коллег. Иван Стрельченко, например, пишет: «За сутки даем более трех тысяч тонн угля. Увеличим добычу».

Как видите, рекорды первых пятилеток перекрываются сегодня во много раз. Мы говорили об этом с моими давними товарищами Александром Бусыгиным, Марией Демченко, Марией Виноградовой, Петром Кривоносом на Всесоюзной встрече трудовых династий в Донецке. О такой производительности труда, которая стала теперь нормой для всех, мы тогда и не мечтали.

Для нас, ударников 30-х годов, нет большей награды, чем сознание прочности заложенных традиций, чем убежденность в том, что поработали мы не зря. Вооруженные новыми знаниями, прекрасной техникой, наши наследники штурмуют удивительные высоты.

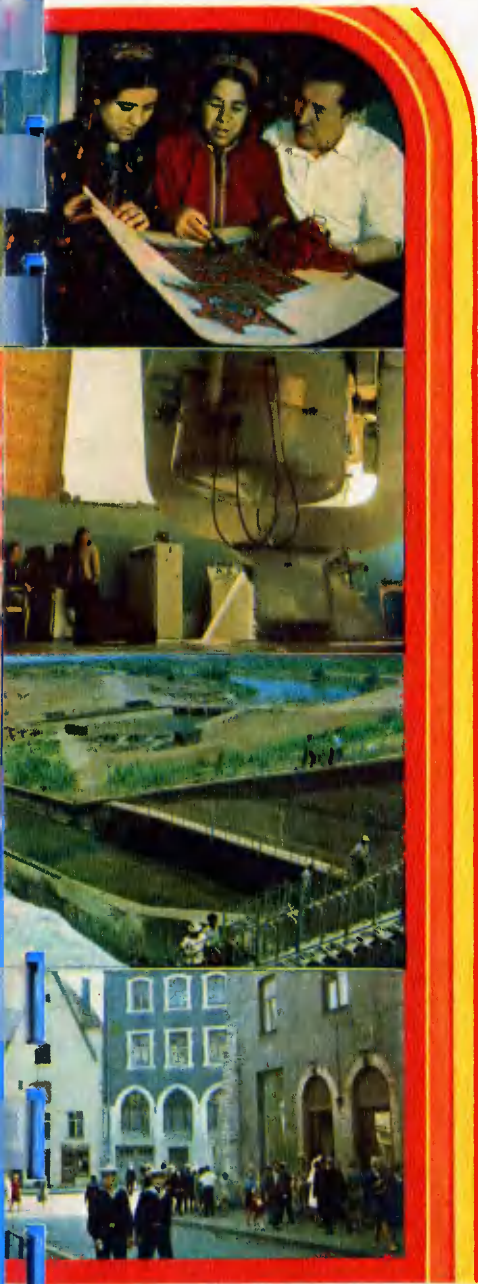
Зоя Сафонова, Анатолий Довченко, Иван Стрельченко, Михаил Довжик, голоса которых вы услышите на первой звуковой странице, — рядовые огромной армии наших последователей. Они сегодня обгоняют время, ставят его на службу народу.

Алексей СТАХАНОВ,
Герой Социалистического Труда
г. Торез, Донецкая область

Л. И. БРЕЖНЕВ
 Все мы, в какой бы республике
 мы ни жили, — советские патриоты,
 дети одной социалистической
 Родины... И все, что создано на этой
 земле руками людей, — великолепные
 города, гигантские промышленные
 комплексы и цветущие нивы,
 каскады электростанций, ценности
 духовной культуры, —
 все это результаты общего труда,
 наше общее достояние,
 достояние советского народа.

Ю. КОРТНЕВ,
мастер
московского
завода
«Динамо»

ВСТУПАЯ В НОВЫЙ ДЕНЬ

Мой рабочий день начинается в 7.30. Из дома я выхожу в 6.30. Сорок пять — пятьдесят минут везет меня до завода, где я работаю, столичный трамвай. На моем пути — двадцать две трамвайные остановки и почти сорок заводов и фабрик. Середину пути — Заставу Ильича — трамвай проходит приблизительно в семь часов утра. В это время его пассажиры на девяносто девять процентов — рабочие и

ВСТУПАЯ В НОВЫЙ ДЕНЬ

работницы заводов и фабрик (служащие поедут позже). Поэтому это совершенно особый «семичасовой трамвай».

Я не знаю имен и фамилий своих спутников, завсегдацев «семичасового», зато многих уже знаю в лицо и почти с уверенностью могу сказать — по остановкам, на которых они выходят, — кто и где работает. За долгие годы совместных поездок я к ним привык, почти сроднился с ними.

На остановке «Курская-товарная» вагон покидают рабочие завода «Серп и молот». Видимо, это литейщики, прокатчики, доломальщики и специалисты других профессий, связанных с металлургией. Народ это все разный, хваткий, цепкий, горластый. Ведь это не просто — ухватить клещами стремительно бегущую прямо тебе в грудь раскаленную добела стальную змею и завернуть ее в нужном направлении. И перекричать ревущие пламенем печи тоже не так-то просто... На Заставе Ильича из вагона выходят аккуратные химичи. У Малого Рогожского переулка — сосредоточенные шейники. На Крестьянской заставе трамвай оставляют девушки с Первого часового. Девушки симпатичные. Часто им говорят:

— Поедьте дальше с нами.

— Мы здесь работаем, — отвечают.

— А сколько зарабатываете?

— Много, — смеются девушки.

— У нас будете еще больше зарабатывать.

— Не надо, — отвечают. — Мы здешние.

Пассажиры «семичасового трамвая» с пониманием относятся к ответу девушек: им не надо объяснять, что такое привязанность к своему месту работы.

«Ах, завод ты мой, завод, желтоглаз-на...» — пелось в песне 30-х годов. Это было время, когда само слово «завод» воспринималось по-особому. Когда каждое утро начиналось в праздничной перекличке заводских гудков, к сожалению, давно уже отмененных по условиям нашей и без того шумной цивилизации. Над районом Заставы Ильича, где я вырос, доминировал могучий бас «Серпа и

молота». Всяким прочим заводшам и фабричкам такого гудка иметь не полагалось. Да, видимо, и пару-то у них для этого не хватило бы. Не положено было им и начинать утреннюю московскую симфонию. А если кто-то по нетерпению и высказывал «вперед батьки» со своим писклявым гудочком, то его тотчас же ставил на место рокошущий рев «Серпа и молота». По его гудку мы собирались в школу.

Завод всегда был с нами. Регламентировал жизнь людей, даже весьма далеких от него по роду своих занятий. Завод, мы считали, — это все равно что стартер к автомашине. Жизнь завода, дает ей разгон и обороты. Завод — всего главного завода!

Нет, как хотите, а московских заводских гудков все-таки жалко. Ведь это воспринималось не только как сигнал подъема, а и как заявленная во весь голос забота о всех «своих»: «Эй, не опоздайте, мол, к созидательному труду!» Это была первая всеобщая информация о

му, но великому труду по восстановлению народного хозяйства. Это с динамовским модельщиком Яковом Борисовым носил Владимир Ильич Ленин бревна на коммунистическом субботнике в Московском Кремле.

«Посмотрите на его историю, и вы увидите перед собой, как в зеркале, историю пролетариата» — так писал о заводе «Динамо» 14 мая 1922 года ленинская «Правда».

Ах, завод ты мой, завод,

желтоглаз-на...

Не надо брать пепел истории, надо брать пламя. Не счастье, сколько замечательных мастеров живого огня труда работает на моем «Динамо». Лишенные позы и фразы, они на остановках «Завод «Динамо» и «Метро «Автозаводская» покидают «семичасовой трамвай» и нивелируют проходные.

...Как сахар, растаяла белая ночь.

Газетчик глаза протирает газетой.

И медная ручка двери проходной
Руками рабочих нагрета.

Так написали в 30-х годах динамовский слесарь, впоследствии профессиональный поэт Василий Сидоров.

Уже давным-давно ручки у всех наружных заводских дверей (говорят, в целях гигиены) переделаны на деревянные. К тому же пассажиры «семичасового» за тридцать — двадцать минут до начала смены идут через проходную сплошным потоком — дверь приоткрыта не успевает. Иногда разве кто-нибудь придержит ее ногой. Пассажиры «семичасового» в движении экономны и расчетливы — много дел вперед.

«Вся наша надежда покоится на тех людях, которые сами себя кормят». Доска с этими великими словами висит в центре Москвы. Впрочем, они и так знают себе цену, пассажиры моего друга и одноклассника — скромного, но крайне необходимого московского «семичасового трамвая».

Фото Л. Лазарева,
А. Хейфеца

«Перед трудным перевалом

Ты приди к ее степам.

Здесь берет свое начало

Вся Советская страна», —

на четвертой лужайке станции слушает песню-репортаж Ю. Вибора о Москве.

том, что Москва вступила в новый день горячей работы. Было это и выражением первородства, на которое претендовали по праву. В пример поставило свой завод «Динамо» имени С. М. Кирова.

Недавно завод отпраздновал юбилей. Семьдесят пять лет назад на юго-восточной окраине города у стен мужского Симонова монастыря на высоком берегу Москвы-реки бельгийские и французские акционеры начали ставить электротехнический завод. Строили прочно — думали на века утвердить власть капитала. Но уже весной 1901 года рабочие «Динамо» в ответ на провалы администрации провели первую и успешную забастовку. Через два года на «Динамо» возникла социал-демократическая ячейка. Ее организатором был Михаил Степанович Николаев, впоследствии руководитель боевой дружины, сражавшейся в декабре 1905 года на Пресне. В дни Октябрьской революции динамовцы были в первых шеренгах восставшей рабочей Москвы. А потом сразу приступили к тяжело-

С. ПРОКОФЬЕВ

Музыку прежде всего надо сочинять большую, то есть такую, где и замысел и техническое выполнение соответствовали бы размаху эпохи: такая музыка должна прежде всего двигать нас самих по путям дальнейшего развития музыкальных форм... Она должна быть прежде всего мелодийной, притом мелодия — простой и понятной, не сбиваясь ни на перепевку, ни на тривиальный оборот...

Простота должна быть не старой простотой, а новой простотой. К ней композитор может подойти только тогда, когда он предварительно сумеет разрешить проблему большой музыки и тем приобрести достаточную технику, чтобы, выражаясь ново, выражаться просто.
1934 г.

МАСТЕРА
СОВЕТСКОГО
ИСКУССТВА

**СВИРИДОВ
ИСПОЛНЯЕТ
СВИРИДОВА**

Всякий раз, когда в редких авторских концертах аккомпанирует исполнителем композитор Георгий Свиридов, возникает ощущение особой серьезности и значительности происходящего. Такова покоряющая сила музыки Свиридова, сила авторского самораскрытия, его творческой воли, открывающей певцу путь к тайному тайных произведений.

То же чувство испытываешь, слушая только что записанные в исполнении народного артиста РСФСР Александра Ведерникова (бас) и автора (фортепиано) романсы и песни Свиридова разных лет на слова Пушкина, Шекспира, Бернса, Беранже, Тютчева, Блока, Есенина, Маяковского, Хлебникова, Исаакяна, Корнилова, Прокофьева, на народные слова. Новые записи, осуществленные всесоюзной фирмой «Мелодия», с уверенностью можно назвать художественным событием. Это по сути своей (не только по факту) авторское исполнение, то есть абсолютно верно авторскому замыслу или максимально к нему приближенное.

Совершенно исключительно внутреннее слияние композитора-пианиста и певца, их взаимопонимание, созвучие натур, подготовленное длительным творческим общением двух художников. Собственно, перед нами не процесс концертного исполнения, но процесс духовного выражения. У Свиридова и Ведерникова мы уже слышим то, что стоит за нотами, то есть чистое музыкальное содержание в ранге жизненной реальности.

Свиридов — редкий в своем роде пианист. Его игра не укладывается в привычные представления о «композиторской игре». Она технически образна, совершенна и артистична, красочна, динамически разнообразна, покоряюще убедительна. Свиридов не играет «свою» музыку, но как артист он лучше других исполнителей понимает и «видит» Свиридова-композитора, становится на его позицию.

Слушая авторские записи сочинений Свиридова, с новой силой сознаешь, каким богатством обладает наша музыка, наша культура, все мы. В современном музыкальном процессе музыка Свиридова — одно из ярких, оригинальных, мощных, глубоко национальных явлений. И больше того: в силу многих своих особенностей она стала не только новым словом в русском советском искусстве, но и частью духовной культуры нашего народа.

Андрей ЗОЛОТОВ

Фото Л. Лазарева

На звуковой странице слушайте произведения народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Г. Свиридова: «История про бублики и бабу, не признающую республики» (стихи В. Маяковского) и «В Нижнем Новгороде» (стихи Б. Корнилова).
Исполняют
А. Ведерников
и автор.

М. И. КАЛИНИН

Что такое власть? В конце-то концов мы проводим идеи пролетариата, защищаем интересы трудящихся, защищаем интересы материальные и бытовые и, если хотите, личное самоуважение, уважение к личности, чтобы колхозник знал, что он гражданин великого Советского Союза, или чтобы рабочий знал, что, если он придет в учреждение, это учреждение для него, а не он является объектом воздействия этого учреждения на него, что учреждение служит его интересам, беспокоится, волнуется, способствует, если так можно сказать, служит ему.

С администрирования — пусть не голого — перейти на линию хозяйствования и политики, уметь народу служить и вместе с тем свою линию вести — это куда труднее, чем просто так распорядиться... Мы же умеем народу по-большевистски служить. Мы же были в подполье, не лытели народу, а все большевики уважались народом.

Из выступления на совещании председателей сельских Советов и райисполкомов. 1934 г.

РАДОСТЬ ЗАБОТ

2

Галина ГИЛЕВА,
председатель Вишерогорского сельского Совета

Центр нашего сельсовета — поселок Вишерогорск, горсточка рассыпанных по берегу реки домов, — совсем затерялся среди дремучих лесов севера Пермской области. Год назад меня избрали председателем Совета. На первом приеме в райисполкоме я призналась, что ничего не умею и не знаю в новой работе, на что мне ответили: «Председателями сельсоветов не рождаются».

Моя работа началась с регистрации брака. Теперь я думаю, это счастливый знак.

Была ранняя весна. По Вишере шел лед, и мы с Любой, секретарем сельсовета, очень беспокоились, как жених и невеста, свидетели и гости — добрых два десятка человек будут пе-

ребираться через реку: паром по весне еще не работал. Ранно утром сели мы с Любой в лодку и поехали на тот берег. Страху натерпелись: льдины стукались прямо о борт.

Впервые в жизни я сказала напутственное слово молодым, сделала запись в книгу актов гражданского состояния, и свадьба пошла своим чередом. Надолго потом сохранила я в душе праздничное чувство, его не смогли заглушить заботы, которые навалились на меня в те первые дни.

Два года назад Вишерогорска еще не было, а сейчас в нем около тысячи жителей. Раньше лесозаготовители жили так: намечали под вырубку участки леса, строили рядом

поселок, жили год-два, а потом на другой участок уходили. Старый поселок, понятно, бросали. Теперь мы живем в одном месте, к лесоучастку дорогу строим и возим рабочих на автобусах. Но не так просто расстаться с укоренившимися привычками. Ощущение временности — сегодня здесь, а завтра новый дом строю — накладывает отпечаток на жизнь и облик наших лесных поселков. На следующее утро обошла я наш поселок. Вернулась в сельсовет, дверь закрыла и стала думать. Впечатления были сложные. С одной стороны, неблагоустроенность, клуб маленький, школа в деревенском доме. С другой — в каждом доме радиоприемник и телевизор, холодильник, хорошая мебель. В каждом хозяйстве куры, по-

механизатор, бригадир лесосклада... Читала фамилии, старалась представить этих людей, их жизненные принципы, и вышло мне это очень смутно. А утром было заседание исполкома. Встала я перед депутатами и рассказала все, что надумала за эти дни. Боялась, что эти занятые люди поднимут меня на смех, а увидела вокруг энергичных, неунывавших помощников. Минувший год. За год я узнала о людях, о себе самой, наверное, больше, чем за всю прежнюю жизнь. Построили мы клуб, очень удачным он получился. Большой, ярко окрашенный, окна во всю стену. Здесь смотрят кино, слушают концерты, справляют праздники. Возле новой школы со спортивным залом — молодой парк.

о штатетнике для ограды парка, и я представляю себе, сколько же таких вот, как я, депутатов работает по всей нашей огромной стране. Вся ее территория кажется мне пчелиными сотами, разделенными на множество ячеек — городских, поселковых и сельских Советов, и я пытаюсь угадать, о чем думает мой коллега в жарких степях, в каком-нибудь заоблачном ауле или на самом краю света — на Чукотке. И я знаю, забота у нас одна: жизнь людей должна быть ярче, богаче, интереснее. Это — основное. Но и в мелочах у нас много общего. Наши дни состоят из забот, огорчений и радостей, как и каждая человеческая жизнь, только нам, депутатам, достается всего этого намного больше.

Пермская область

ку срок депутатский и пройдет. Ну, а если по-другому? Если приучить людей к мысли, что жить им здесь не год и не два и детям и внукам после себя завещать? Это, конечно, труднее.

С чего же начать?

Первым делом поднять всех на очистку улиц. Внушить людям, что они хозяева не только своего дома, своего двора. Хозяева поселка. Затем надо подумать о таком клубе, чтобы видом своим он украшал поселок и люди шли туда, как на праздник. Да и школа настоящая нужна, новые ясли, детский сад...

Понимала, конечно, самой не осилить. Но ведь есть депутаты.

Взяла в руки список: Жмаков Геннадий — шофер, Бурмантов Николай — мастер лесозаготовок, Канунников Василий — председатель комитета профсоюза, и дальше — учитель, продавец, вальщик леса,

росята, две-три, редко где одна корова. Почти у всех подвесные моторы для лодки, мотоциклы с колясками, в иных домах и легковые машины. Не могут мои избиратели на бедность пожаловаться, да они и не жаловались.

Что здесь сельскому Совету делать? Регистрировать браки, рождения, прописывать, выписывать?.. Это тоже, конечно, работа. Потихоньку-помалень-

Тополя и клены сажали все. Нет человека, который не посадил бы хоть одно дерево. ...Наверное, такие минуты бывают у каждого человека: порой мне надоедает думать о фондах на строительство, о холодильниках для магазинов,

Рабочий день Г. М. Гилевой только начинается в кабинете — с утра до вечера она с людьми.

Рассказ сельского депутата — на второй звуковой странице.

Фото А. Лидова

Звягинцев не любил штабных шоферов. Их близкая связь с начальством выбрала у многих из них несколько пренебрежительно-высокомерное отношение ко всем командирам, которым они непосредственно не подчинялись. Тем не менее он спросил водителя:

— Как звать-то?

— По уставу докладывать али как? — ответил тот, не поворачивая головы и сосредоточенно глядя на ухабистую, покрытую снегом, на котором резко выделялись колеи от многих прошедших ранее машин, дорогу.

— Сначала давай по уставу, — холодно произнес Звягинцев.

— Сержант Разгильдяев.

Звягинцев не доводилось встречать ранее этого шофера. Очевидно, он достался штабу Федюнинского «по наследству» от Волховской группы.

— Везет мне на водителей, — сказал Звягинцев, — то Разговоров был, теперь — Разгильдяев. Смешно.

— Что же вы его не смените, раз вам такие фамилии не нравятся? — со злой усмешкой, по-прежнему не поворачивая головы, произнес шофер, и Звягинцев понял, что фамилия его была, так сказать, болыным местом.

У ВОЛХОВА

— А как звать, если не по уставу? — миролюбиво спросил Звягинцев.

— А к чему вам, товарищ майор? Или вам и Разговорова своего по фамилии звать смешно было?

— Разговорова моего я не менял, смерть его сменила, — тихо сказал Звягинцев. — А до этого он мне жизнь спас.

Разгильдяев на мгновение повернул голову и бросил мимолетный взгляд на майора.

Он увидел, что Звягинцев сосредоточенно смотрит вперед, на дорогу, и, казалось, уже забыл о его присутствии.

Звягинцев действительно уже не думал сейчас ни о чем, кроме того, что ждет его впереди...

— Правду говорят, что электростанцию взрывать будут? — услышал Звягинцев голос водителя.

Раздался разрыв снаряда, и через секунды — второй.

— Будет приказ — взорвут, — с горечью ответил Звягинцев.

— Легко это у вас получается, — с недоброй усмешкой проговорил водитель, — когда ее Ленин строил, на знал, видно, а чьи руки отдаст.

— Ладно, — с намерением прекратить этот бесцельный разговор сухо сказал Звягинцев, — после войны разберемся, кому за что отвечать полагаются. А сейчас разговоры отставить. Следи за дорогой. На фронт едем.

И как бы в подтверждение этих слов снова неподалеку прогремели артиллерийские разрывы.

— Вижу, что не в тыл, — угроюще отозвался водитель.

«Вернусь, скажу, чтобы дали сутки ареста этому разговору», — мелькнуло в мыслях Звягинцева.

...Поравнявшись с развалинами, шофер резко свернул с дороги.

— В чем дело? — недоуменно спросил Звягинцев.

— Куда ехать-то, товарищ майор? — угроюще спросил Разгильдяев. — Впереди бой идет, а мы не на танке! Врет ваша карта, передвинулся, наверное, КП дивизии.

В этот момент в метрах ста левее громыкнул снаряд, подняв в воздух бело-черный столб снежной пыли.

— Ладно, — бросил Звягинцев и зло добавил: — Ах ты, Разгильдяев.

Он рванул дверь, выпрыгнув из машины в снег, и побежал вперед. Прямо на дороге разорвалась мина, потом вторая. Звягинцев рванулся с дороги в сторону, черпая сгусток широких голенищца в валенок: мысль о том, что водитель был, пожалуй, прав, отказываясь ехать дальше, тут же сменялась другой — о том, что этот Разгильдяев все же порядочный трус, — но эта мысль мгновенно исчезла, отступая перед главной, владеющей сейчас Звягинцевым мыслью, — необходимо было во что бы то ни стало целым и невредимым добраться до КП. Наконец он увидел выступающую над поверхностью, покрытую толстым слоем снега крышу блиндажа и уходящие вниз ступени, скатился по ним вниз. Дверь в блиндаж была открыта, но вход прикрывал брезентовый полог. Звягинцев всем телом навалился на него с раскату и через мгновение оказался внутри блиндажа...

При свете контрилки он не сразу определил, что вокруг него происходит. И только через несколько секунд увидел огромную фигуру какого-то военного, нары и сидящего на них бойца с телефонной трубкой, прижатой к уху.

— Где командир дивизии? — крикнул Звягинцев, обращаясь разом и к стоящему у нары военному, знаков различия которого он не мог со света разобрать, и к бойцу.

— Я командир дивизии, чего шумишь? — недовольно спросил грузный человек, мельком взглянул на Звягинцева и тут же, обращаясь к бойцу на нарах, крикнул:

— Продолжай вызывать, я тебе говорю, продолжай!

— Товарищ полковник, — с трудом стараясь унять свое прерывистое дыхание и поднося руку к ушанке, проговорил Звягинцев, — майор Звягинцев из штаба армии.

— Бойца с тобой есть? — быстро спросил Замировский.

— Никак нет, — ответил Звягинцев и после мгновенной паузы добавил: — Только один водитель. Командующий приказал передать, чтобы ни в коем случае не отходить! У него прервана с вами связь и...

— Знаю, знаю, что прервана! — крикнул Замировский. — У меня даже с полками связь нет.

— Товарищ комдив, — уже совладав со своим дыханием, энергично проговорил Звягинцев. — Прорыв фронта на вашем участке будет означать захват врагом Волхова. Командующий приказал...

— Вы где служите, майор? — резко прервал его Замировский.

— В оперативном отделе штаба. Прошу вас, — торопливо растегивая планшет, проговорил Звягинцев, — укажите точно на карте, где идет бой, чтобы я мог доложить командующему.

— Значит, по картам привык боями руководить! — зло сказал Замировский. — Вот здесь идет бой! Там, где ты сейчас стоишь, ясно? Какими силами оборону держу? Все сейчас в бою, все, весь штаб, все писари, кашевары, парикмахер, понял? Десять минут тому назад часового у моего блиндажа снял с поста и отправил в бой. Скоро сам пойду, понял?!

— Что доложить командиру? — спросил Звягинцев.

— Что видел и слышал, то и доложи. Оборону КП держим из последних сил. С полком, прикрывающим КП, телефонной связи не имею. Пока КП держим, но немцы пытаются его обойти. Главный огонь сосредоточивают в стыке между вторым и третьим батальонами, непосредственно обороняющими КП. До боевых порядков третьего батальона от меня сто метров. Все! Есть, наконец, связь?! — крикнул Замировский, снова поворачиваясь к бойцу, сидящему на ярах и не отрывающему от уха трубку.

— Фиалка, Фиалка, я Ромашка, я Ромашка. Фиалка, вы меня слышите? — вздрогнув, забубнил связист, потом посмотрел на полковника и виновато заморгал глазами.

В этот момент за спиной Звягинцева зашуршало, он обернулся и увидел, что полог откинулся и в блиндаж, приподнимая тяжелый брезент, пролез человек. Разодранный, покрытый копотью полушубок прикрывал гимнастерку с петлицами, звездочка на ушанке едва держалась, да и лицо появившегося в блиндаже человека было черным, точно покрыто сажей. В руке он держал карабин.

— Товарищ полковник! — крикнул он так, точно обращался к людям, стоящим в большом отдалении. — Ефрейтор Хлопов! Мне старший лейтенант приказал доложить... Комбата убили, а комиссар ранен!

— Не ори! — оборвал его Замировский. — Говори спокойно, какой батальон?

— Третий, товарищ полковник, третий, — по-прежнему громко, но уже с какой-то странной радостью в голосе, будто оттого, что может дать командиру точный ответ, произнес Хлопов.

— Ну... вот... — стиснув зубы, произнес Замировский и повторил: — Ну... вот...

И в этот момент Звягинцев со всей неумоланной очевидностью понял, что все его вопросы сейчас беспедельны и что, даже если он доберется невредимым обратно до Волкова, то доклад его не принесет никакой пользы командиру.

— Товарищ командир дивизии, — неожиданно для самого себя чеканящим голосом проговорил Звягинцев, — разрешите принять командование батальоном.

Замировский посмотрел на него недоуменно-вопросительным взглядом, точно до него не дошел смысл произнесенных Звягинцевых слов.

Потом нерешительно произнес:

— Вы... вы... батальоном?

— Так точно, товарищ полковник, — с еще большим напором произнес Звягинцев. — в боях бывал, опыт имею. Словом, разрешите вступить!

Замировский все еще недоуменно глядел на него, потом каким-то испуганным взглядом огляделся, точно решая, кого можно было бы прислать в батальон, и вдруг махнул рукой и сказал:

— Давай, если ты... такой. Давай! Хлопов, веди майора!

М. В. ФРУНЗЕ

Наша политика — политика сохранения мира...

Если бы только допустить такую вещь, как невозможность для капиталистического мира братья за оружие против нас, то мы спокойно могли бы разрешение спора между нами и капиталистическим миром предоставить мирному развитию событий; мы спокойно могли бы всю нашу энергию и все наши силы направить на укрепление нашего хозяйственного положения, на развитие сельского хозяйства, на развитие нашей промышленности и на подъем нашей культуры; могли бы направить наши усилия на цели мирного порядка, отказавшись совершенно от трат на нужды обороны. Если бы такая перспектива была возможна, то несомненно победа осталась бы целиком на нашей стороне, ибо один факт наших мирных успехов и нашего хозяйственного подъема делает невозможным существование капиталистического мира насилия и угнетения.

1925 г.

Звягинцев почувствовал необычный душевный подъем, радость, охватившую все его существо, точно он наконец обрел цель, к которой стремился.

— Вперед, Хлопов, пошла! — крикнул он ефрейтору. Они выбрались из блиндажа — Хлопов впереди, Звягинцев за ним. Справа у лесенки стоял Разгильдяев. Увидев Звягинцева, он поспешно спросил:

— Домой двинулись, товарищ майор? Ничего не выйдет! Я как за вами явля, волу из радиоточки слышу! Надо здесь колеса спросить. А по дороге нашу антидому на буф сир возьмем.

— Я остаюсь здесь, сержант, — сказал Звягинцев, — иду командовать батальоном. Немцы в двухстах метрах. Слушай, дай-ка мне свой автомат.

Разгильдяев резко отвел руку с автоматом в сторону.

— Не могу, товарищ майор! Вроде как личное оружие. Под расписку дано. Со мной взять можете, а раздельно не могу.

— Ты что... серьез? — спросил Звягинцев. — Я ведь объясняю: в бой иду! А тебе в штаб возвращаться надо.

— Последнее приказание командира — закон, — с усмешкой проговорил Разгильдяев. — Прикажете — и я с вами.

— Не могу я тебе такое приказывать!

— Есть, товарищ майор, приказано следовать за вами! — все с той же усмешкой произнес Разгильдяев.

— А... пошли! Веди, Хлопов! — крикнул Звягинцев стоящему в ожидании бойцу.

Для съемки корреспонденты выбрали уютный уголок в зеленом дворе. Но этот снимок, где Бибиойша сидит со своей дочерью Зухро, ни в коей мере не может дать представления об удивительной семье Бобокалоновых. Конечно, собрать восемнадцать человек нелегко. Многие дети Бибиойши разъехались в другие города и кишлаки, живут самостоятельно.

Рассказывает
Бибиойша БОБОКАЛОНОВА,
работница Душанбинского
завода бытовых холодильников,
мать-героиня

— Сама их редко вижу вместе. Профессии у них разные, отпуска не совпадают... Рустам вот рано утром уехал в дальний район. Осень — горячая пора для шоферов. Городу нужны овощи. Ислом и днем и вечером в университете. Днем работает лаборантом, а вечером — лекции. Он на четвертом курсе физического факультета учится. Булег ялерщиком...

Бибиойша достала альбом с фотографиями, протянула мне, затем продолжала:

— Дети подрастали, обращались за советом. Бобо, мой муж, так говорил им: «Выбирайте дело по душе.

Но главное — быть настоящими людьми». Эркин решил стать гидромелиоратором, учится в техникуме, Бибиалича пошла по пути отца — получает профессию юриста, Саёра и Саида работают продавцами, но мечтают быть экономистами, Холбиби — швея, Тахир, Зухра и Саодат — школьники...

Сколько лет уж прошло, а она почти каждый шаг их помнит...

Вот фотография. Молодой человек и девушка под раскидистой чинарой. Это Ахад с женой. И Бибиойша сразу ожили:

— Ахад — решительный парень. Сразу же, как только получил аттестат зрелости, заявил, что поступает в пединститут. Выучился. Уехал в Курган-Тюбе. Был учителем географии в школе, пятнадцать лет директорствовал. Приятно, что мой приемный сын награжден значком «Отличник народного образования».

А. МАКАРЕНКО

Наше общество как будто говорит родителям: — Вы по доброй, любовной воле соединились, наслаждаетесь вашими детьми и дальше собираетесь радоваться на них. Это дело ваше личное и вашего личного счастья.

Но в этом самом счастливом процессе у вас родились новые люди.

Настанет момент, когда эти люди перестанут служить только для вашей радости, а выступят как самостоятельные члены общества. Для общества совсем не безразлично, что это будут за люди.

1937 г.

3

СЕРДЦЕ
МАТЕРИ

Еще одна фотография. Солдат у развернутого воинского знамени. Лицо решительное, волевое. Это Давлят. Бибиойша рассказала такую историю:

— Вернулся Давлят домой после службы в армии, зову его на завод бытовых холодильников. Улыбается. Не нравилось. Оказывается, ему, что наши холодильники в магазинах заставлялись. Стыдно, говорит, работать на таком заводе. Меня как раз в ту пору кандидатом в члены партии приняли. Я ему и говорю: «Не одному тебе стыдно. На каждом партсобрании об этом говорим. Поверь, за «Памирами» еще гоняться будут». Давлят сейчас работает газонайщиком. Гордится своей профессией.

Бибиойша долго еще рассказывала о своих детях. И ни в одном из рассказов не проскользнуло и намека на жалобу. И нелегкие годы войны, и тревожные ночи, и трудности не сломили эту женщину. Ведь не двух-трех и даже не пятерых детей воспитала она. Десять родных, восемь приемных. Всех их вынуждали, поставили на ноги маленькие, неутомимые руки Бибиойши. Всем восемнадцати поровну ласка и забота этой женщины... О наградах Бибиойша скромно умалчала. А их у нее немало. Родина высоко оценила ее самый почетный труд — труд матери, женщины. Серебряная и золотая медали материнства, ордена «Материнская слава» двух степеней и «Матергероиня». А эти две последние награды — ленинская юбилейная медаль и орден Трудового Красного Знамени — вручены Бибиойше Бобаклоновой за ударный труд на заводе...

На кухне хлопотала Саида. Вернулся с работы Рустам. На необъятном блюде ароматно дымилась гора плова. К Бибиойше зашла соседка, товарищ по работе Зоя Соколова.

На третьей звуковой странице, подготовленной Валентином Скорятиным, специальный корреспондентом «Кругозора», вы услышите рассказ Бибиойши и Зои Соколовой.

На фото Н. Маторина только восемь детей Бибиойши — физик и студентка, рабочий и продавец, преподаватель и шофер, школьница и гидромелиоратор — и о всех о них думы и заботы матери.

МУЗЫКА КИНО

Композитор Геннадий Гладков принадлежит к числу людей веселых, озорных и добрых, причем, это ясно слышно в его музыке — и в «Бременских музыкантах» и в «Точке, точке, запятой»...

Наша картина о четырнадцатилетних, а в этом возрасте первые начинаешь ощущать себя личностью. Мы хотели в фильме рассказать о том, как складывается человек.

Наш главный герой — восьмиклассник Леша Жильцов. Ему четырнадцать, а он все еще не понимает, что такое электричество, не может подтянуться на турнике, дружит с пятиклассником, больше всех уроков любит последний, но и в свободное время ничем не увлекается, и все-таки Леша пытается стать личностью. Леша перебирает все способы, но... своего варианта не находит. Правда, ему удается понять самое главное — в жизни надо многое уметь и многое знать. А чтобы вы поняли, какую роль в фильме

сыграть. Не нам, конечно, мы две недели репетируем. Я по своей части, режиссерской, — с артистами, Геннадий Игоревич — с музыкантами. И через две недели мы показываем фильм уже с музыкой.

— Ну, это же совсем другое дело! — говорят на худсовете. — Все переделали, теперь можно смотреть.

Взрослым
о детях

пеша+?=личность

играют песни Гладкова, я расскажу вам такую историю.

Представьте себе, что за три-четыре недели до конца работы над фильмом мы показываем вчерне сложенную картину, но без музыки, поскольку песни еще не записаны. Художественный совет смотрит молча, не смеется, и даже в темноте я ощущаю, как медленно, но неуклонно нарастает атмосфера тревоги.

— У вас есть другой материал в запасе? — спрашивает один из членов худсовета.

— Есть много, но это самый лучший, — отвечаю я. Отличие моего восприятия фильма состояло в том, что я-то знал песни, они всюду, где надо, звучали у меня в ушах. В то время как для всех прочих в картине были какие-то зияющие дыры. Представьте, что вы смотрите балет «Жизель» без музыки. Так и тут. Никто ничего не понимает. Все советуют, как спасти фильм, что выбросить, что переделать. А я упираюсь: «Положите музыку. Все станет на свои места». Не верят мне. Но выхода нет. Приходит-

А ведь почти все осталось, как было. Только музыка зазвучала в намеченных местах и, как волшебным фонарем, осветила фильм, прибавила ему и юмора, и доброты, и озорства.

А. МИТТА, кинорежиссер

На фото: Леша, который хочет стать личностью, и его друзья по кинофильму.

М. ГОРЬКИЙ

В наше время... художественная литература приобретает особенно глубокое, социально-воспитательное значение. Хорошо знать друг друга теперь нам необходимо более, чем когда-либо раньше, потому что, повторим, все мы идем к одной цели, призваны делать одно и то же дело. ...Встречая в одной книге произведения народов Востока и Севера, русский читатель более ясно увидит разнообразие творчества друзей, живущих рядом с ним, ярче увидит сходство и различия между ними, а также между ними и собою. С другой стороны, и для читателей, которые говорят и пишут на различных языках, легче будет ознакомиться с творчеством друг друга в переводах на русский язык, а это должно ускорить взаимное понимание единства интересов, единства путей к цели, поставленной перед нами историей и нашей волей. Знание о человеке должно возбуждать уважение к человеку и трудам его.

1928 г.

рукопожатие грузей

Русская поэзия всегда была чуткой к другим народам, к их культуре: большая река щедро принимает все притоки.

Невозможно представить себе советскую поэзию без переведенных на русский язык таких мастеров, как Симон Чиковани, Максим Рыльский, и им равных. От этого только выигрывает наша поэзия, становится многообразной, многоцветной, как радуга над горами. Каждый из нас обязан знать, что переводиться на русский язык — это честь.

Книгу Михаила Дудина «Все вместе» вызвало к жизни уважение замечательного русского поэта, живущего в Ленинграде, к культуре других народов, к поэтам разных языков.

Произведения поэзии рождаются любовью ко всему живому на свете. Даже гнев и боль поэта идут от любви к жизни и людям, от тревоги за них. И эта книга тоже рождена любовью.

Михаил Дудин дал возможность разным поэтам сойтись под одной крышей. Они как бы собрались в его гостеприимном доме, дружески пожали друг другу руки и расселись у огня. У каждого пройденные дороги, собственный жизненный опыт, свое пережитое и сокровенное. Каждый из них принес цветы и краски родной земли, ее аромат и сердцебиение.

Кайсын КУЛИЕВ

Мустай КАРИМ

Я — РОССИЯНИН

Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоен.

Свою жизнью я гордиться вправе,
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века! В подвигах и славе
Сплелись корнями наши племена.

Давно Москва, мой голос дружбы слыша,
Откликнулась, исполненная сил.
И русский брат — что есть на свете

С моей судьбой свою соединил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда! Душа моя, гордись!
Пять жизней дай! Но может им равняться
Моей судьбы единственная жизнь.

С башкиром русский — спутники
в дороге,
Застольники, колы брага на столе.
Соратники — по воинской тревоге:
Навеки сомогильники в земле!

Когда поцеловались, как два брата,
Восставший Пугачев и Салават,
В твоей душе, что дружбою богата,
Прибавилось любви, мой русский брат.

Не русский я, но россиянин. Чести
Нет выше — я страны Советской сын.
Нам вместе жить и подниматься вместе
К сиянию сверкающих вершин.

В душе моей весенних зорь сиянье.
В глаза мои луч солнечный проник,
А в сердце — песни радостной звучанье,
Что сквозь века пробилась, как родник.

Я крепко стал, всей силой в человеке,
Дыша всей грудью, радость жизни брать.
За это все, за это все навеки
Тебе я благодарен, русский брат.

Ты вкус дал хлебу моему и воду
Моих степей в живую обратил.
Ты мой народ для радости народу
С народами другими породнил.

Не русский я, но россиянин. Зваться
Так навсегда! Душа моя, гордись!
Десять жизней может поравняться
Моей судьбы единственная жизнь.

С башкирского

Георг ЭМИН

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Дождь хлещет и хлещет, взбегая
на грядки,
Деревья шуршат и дрожат в беспорядке.

Дождь хлещет и хлещет, цветение мая
Безжалостно с веток кудрявых смывая
Он к вишне моей подобрался неслышно.
И тихо заплакала нежная вишня.

Как белые хлопья январской метели,
Под струями все лепестки облетели.

Цветы облетели, до ягод далеко,
И так некрасиво, и так одиноко!

Поверь, моя вишенка, так и бывает —
Любые плоды нелегко созревают...

Деревья шуршат и дрожат в беспорядке,
Дождь хлещет и хлещет, избегая
на грядки.

Сбивает цветения нежное пламя,
Чтоб лето украсило вишню плодами.

С арнянского

Тобиас ГУТТАРИ
РЫБАК

Я этот берег полюбил.
Я здесь родился. Здесь следил
Валов тяжелый бег.
Волне, баркасу и веслу —
Отчаянному ремеслу —
Не изменю вовек.

Встает холодная заря.
Мы выбираем якоря.
И парус рвется вдаль.
Волна с волной вступает в спор.
В бурунах вздыбленный простор
Для смелых не печаль.

Утихло море. Ветер спит.
И солнце сонное глядит —
Богат улов у нас.

Так, новой силою полна,
Неси нас к берегу, волна,
Причаливай, баркас.

Нам в шторм и в бурю не впервой
Вступать с волной соленой в бой,
Идти наверняка.
Еще пока с морских дорог
Никто ничем прогнать не мог
На сушу рыбака.

Но, может быть, не ровен час,
Затопит буря наш баркас
И засмеется зло.
Прощай, не жди тогда, жена, —
На берег выбросит волна
Разбитое весло.

Я этот берег полюбил.
Я здесь родился. Здесь следил
Валов тяжелый бег.
Волне, баркасу и веслу —
Отчаянному ремеслу —
Не изменю вовек.

С карело-финского

Кайсын КУЛИЕВ
Я МОГ БЫ СРАЖАТЬСЯ В МАДРИДЕ

Я мог бы сражаться
в Мадриде

И пасть за Гренаду в бою.
И солнце, пылая в зените,
Смотрело б на рану мою.

Я мог бы сражаться в Мадриде
И грудью на камни упасть,
Чтоб только над Кордовой видеть
Свободного знамени власть.

Я мог бы сражаться, я б встретил
В Мадриде последний рассвет:

Лик мужества ясен и светел.
Чужбины для подвига нет.

Я отдал бы все без отказа,
Там жизнь бы свою завершил, —
И благословенье Кавказа
Дошло б ко мне с древних вершин.

Я мог бы в Мадриде сражаться:
Везде, негасимый, горит
Свет мужества, воли и братства.
Я мог бы стоять за Мадрид.

С балкарского

Адам ШОГЕНЦУКОВ

Поток гремит с вершины, леденя,
И, затихая, входит в берега.
Мы вверх идем — оттуда мир виднее,
Там чище первозданные снега.

Нечесаными космами на плечи
Ложатся нам седые клочья туч.
И кручи поднимаются навстречу,
И трещины зияют между круч.

И летний полдень переходит в осень,
И в хмури, и в хмарь. И дующий в упор
Холодный ветер впадины заносит
Сыпучим снегом вечно белых гор.

Мы вверх идем. И нашу песню скалы
Скандируют на разные лады.
И оживают синие провалы
И голубые фирновые льды.

Здесь солнце вполнакала греет.
В тучах
Кольшется завихренная мгла.
Здесь кручи поднимаются на кручах,
Но без высот нет жизни для орла.

С кабардинского

Переводы Михаила Дудина
Рисунки А. Гамбурга

„ПЕСНЯРЫ“

Когда «Песняры» назывались «Ляво-на-ми», а было это четыре года назад, публика их почти не знала. Они ездили на гастроли, в чем-то еще напоминая любительский ансамбль, где артисты порой сами конструируют даже музыкальные инструменты. Это был энтузиазм складывающейся музыкальной ячейки, в прошлом армейских музыкантов, уроженцев Речицы и деревни Каменец, Минска и Котельны Боярской.

«Песняры» обратились к бесценным пластам белорусской народной песни и отыскали там, в старинной звуковой вышив-

ке, близкие интонации, созвучные сердцу ритмические удары и чарующие мелодии — голос повествующий, смеющийся, плачущий. «Черпая силу и вдохновение в народной песне, — формулировал credo ансамбля его руководитель Владимир Мулявин, — мы стремились сохранить вековую народную основу. Хотели принести ее слушателю, используя современные средства музыки, но порой уступая место инструментам старинным, которые сопутствовали когда-то появлению мелодии на свет». Поэтому в причудливых песенных узорах группы звучат рядом флейта и дудочка, труба и лира, саксофон и жалейка. Этот подбор, безупречное интонирование могли появиться

лишь потому, что «Песняры» оказались хорошими музыкантами. Одновременно и певцами и инструменталистами, тонко чувствующими поэтику народной песни и песни новой.

Мастерство «Песняров» было дважды оценено: на конкурсе артистов эстрады в Москве (1970 год) — вторая премия, на конкурсе политической песни в Минске (1972 год) — первая.

На десятой звуковой странице журнала слушайте две песни в исполнении Владимира Мулявина, Владислава Мисевича, Леонида Тышко, Александра Демешко, Валерия Яшкина, Валерия Бадьярова, Леонида Барткевича, Валерия Мулявина.

Светлана ЧЕКРЫГИНА

И. ДУНАЕВСКИЙ

Значение композитора для общества, для своего народа прямо зависит от ценности этого творчества с точки зрения общественной его важности, с точки зрения выраженных в этом творчестве общенародных чувств и настроений. А так как эти чувства и настроения под влиянием различных обстоятельств видоизменяются и меняются, то для композитора важно уследить, проверить, учесть, отразить эти перемены. Тогда он пойдет в ногу с народом...

1948 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ

Мысль о создании эстрадного произведения на фольклоре народов СССР зародилась у Мурада Кажлаева давно. Результатом творческих поисков стала сюита «Путешествие по стране».

— Работа над ней была очень интересной, хотя и нелегкой, — говорит композитор. — Во-первых, потребовалось тщательное изучение народной музыки разных республик — я просмотрел и протудировал несколько десятков фольклорных сборников, прослушал сотни часов музыкальных записей. Хотелось, чтобы музыка была легкой и притом современной. Особое внимание пришлось уделить изучению народных инструментов, в частности ударных и духовых. Некоторые из них я включил в партитуру.

ПЕСНИ ТЕЛЕЭКРАНА

ВДУМЫВАЯСЬ В СЛОВО

Я не вокалист. Песня притягивает меня прежде всего тем, что в ней возможен сплав музыки и актерского умения владеть текстом, которое, конечно же, подразумевает понимание, во имя чего песня написана.

Моя мать была музыкантом. Она занималась со многими певцами, которые теперь стали заслуженными и народными. Отец читал мне стихи Блока: «Ты в синий плащ печально завернулась...» Ин-

терес к слову унаследован мной от него. Помню, как на материнских уроках меня порой охватывало уныние: люди занимались только голосом, вокалом. Они редко задумывались над тем, о чем они поют. Для меня же это — всегда главное. Именно смысловое содержание решает, возьмусь я за песню или нет.

Актер-певец находится в более трудном положении, чем шансонье. Шансонье — автор текста, музыки и сам исполнитель. Певец же включается в готовую работу, и хорошо, если текст и музыка полностью совпадают. Такая гармония, например, существует в песне Ильи Катаева и Михаила Анчарова о России из телевизионного фильма «День за днем», которую

Пьеса-путешествие начинается в Ленинграде, продолжается по Украине, Грузии, Азербайджану, родной для Кажлаева республике — Дагестану, затем — Урал, Сибирь, Таджикистан, Туркмения. Финал музыкального путешествия — «Праздник в Бухаре».

На седьмой звуковой странице журнала вы услышите две музыкальные миниатюры из сюиты «Путешествие по стране». В первой — «Сибирской бане» — композитором использована старинная уральская народная мелодия «Ох, если с гор не спустится холодная вода!». Вторая пьеса — «Факир» — музыкальный портрет известного азербайджанского артиста-волшебника Хосрова Абдуллаева. **Арк. ПЕТРОВ**

я пою всегда с большим удовольствием. Своя тема, способ мышления в песне — это то, что, на мой взгляд, отличает одного певца от другого. Часто судьба песни зависит от выбора исполнителя. Например, композитор Оскар Фельцман точно ощущает индивидуальность певца. Он долго присматривался ко мне, поначалу с недоверием, и охотнее отдавал свои произведения певцам, у которых большие возможности с точки зрения голоса. Но вот «Песню о родителях» на слова Роберта Рождественского он написал для телеэкрана, имея в виду меня как исполнителя.

Валентин НИКУЛИН

Слушайте восьмую звуковую страницу

— Здравствуйте, Сальваторе Адамо.
— Добрый день. Постойте, постойте, мы ведь видимся не впервые...
— Шестьдесят девятый год. Париж, зал «Олимпия». Интервью для фильма «Франция-песня». Словом, это было давно. Какие существенные события произошли с той поры в вашей жизни?
— Прежде всего мы поженились с Николь. Если помните, она ждала меня тогда в артистической после концертов. Советские гастроли коротки, но мы уже соскучились по сыну...
— Как его зовут?
— Антони, ему около трех лет, пожалуй, это лучшая моя песня.
— Поете ли вы ему?
— То, что у нас обычно поют маленьким, — «В лунном свете», «Доброго короля Дагобера», который вел себя на манер «Расеянного с улицы Бассейной».
— А ваша «взрослая» песня?
— Моя песня, по-видимому, меняется. Появились новые темы. Важно, чтобы моя публика поверила в то, что я могу вой-

— Ваша работа в кинематографе?..
— Была поучительной. В фильме «Плата по счету», где меня ждала актерская работа, я пытался выйти из привычного для аудитории облика «нежного Сальваторе» и стать «жестким» персонажем. Но режиссер взял верх, и меня превратили в «жертву». Правда, когда я попробовал сам, по собственному сценарию, поставить картину «Маковый остров» и сыграть в ней, то все-таки решил остаться в мире своих песен — простых, чуть наивных. О них, о любви этот фильм.
— Вы не думали о мюзикле в театре?
— Кто не думает об этом? Но сколь велик риск! Поставил же Брель своего знаменитого «Человека из Ламанчи». В Бельгии успех был ошеломляющий, но в Париже дело пошло хуже, и Брель возвратился к кино.
— Итак, песня остается основой?
— Всегда была. После съемок я садился за письменный стол.
— Когда вы выходите на сцену, видите ли зрителей в зале?

ГОСТИ
МОСКВЫ

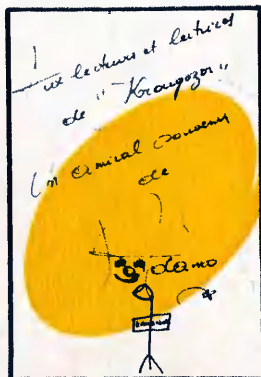

Я ПОЮ ДЛЯ ВСЕХ И ОДНОГО

ти в сферу социального, общественного интереса, высказаться по поводу расизма — в «Повешенном», против войны — в песне «Ребенок — друг мой». Это не выдуманные сюжеты. Я пишу о том, что почувствовал сам. Старые, «вечные» темы, конечно, остаются...

— Даже не стараюсь. На меня направлены прожекторы, и я не вижу лиц. Публика для меня как бы сконцентрирована в одном человеке, и каждый из двух тысяч сидящих в зале вправе предположить, что я пою только для него.

Артем ГАЛЬПЕРИН

слушайте

6

номере:

12 (105) декабрь 1972
**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ**
Год основания — 1964

1. **Минута год бережет.** Говорят Г. Орджоникидзе, А. Стаханов, М. Виноградова, З. Сафонова, А. Донченко, И. Стрельченко, М. Довжик.
2. **Людские заботы.** Монолог сельского депутата Галины Гилевой.
3. **Восемнадцать моих детей.** Рассказ Бибиюши Бобокалоновой.
4. **«Москва одна на свете».** Песня-репортаж Юрия Визбора.
5. **Театр Алексея Грибова.** Страницы из «Кола Брюньона».
6. **Поэзия на нотных линейках.** Новые записи произведений Георгия Свиридова на стихи В. Маяковского и Б. Корнилова.
7. **Композитор Мурад Кажлаев:** сюита одиннадцати часовых поясов.
8. **Поет Валентин Никулин:** «Ты припомни, Россия» (И. Катаев, М. Анчаров), «Песня о родителях» (О. Фельцман, Р. Рождественский).
9. **«Точка, точка, запятая...»** Музыка к новому кинофильму.
10. **Ансамбль «Песняры»:** «Олеся» (И. Лученок, А. Кулешов), белорусская шуточная народная песня.
11. **Гости Москвы. Сальваторе Адано** (Франция): «Я забыл о розовом цвете роз», «Ветреница моя, свобода».
12. **Певец представляет песню. Мария Пахоменко:** «Я брожу над речкой» (Р. Котляревский, К. Рыжов), **Муслим Магомаев:** «Твоей переулою» (М. Минков, В. Соколов).

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки
рисунок художника
В. Семенова

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25
Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
27-X 1972 г.
505939 Подп. к печ.
16/XI 1972 г. Формат
бумаги 60x84 1/12.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 3702. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

Как-то очень давно, студентом первого курса, я остался в новогодний вечер один. История рядовая, в ключе строк: «Любимая, меня вы не любили...» Заходясь от тоски, я купил с рук билет и оказался во МХАТе. Давали «На дне».

Состав исполнителей был высок. В стремлении подлинного горя обитателей ночлежки растаяла моя эфемерная печаль.

Юные начетчики начала пятидесятих годов, штурмующие лингвистику и филологию, мы знали Горького почти наизусть. Спектакль развивался по хрестоматийным канонам, и лишь одно меня обеспокоило и поставило в тупик: мне понравился Лука. Было в нем что-то от Платона Каратаева, от многострадальных странников Лескова, от попа-расстриги: хотелось исповедаться ему именно за то, что он расстрига. Кому повем печаль мою? А в ответ: перемелется — мука будет.

Спустя двадцать лет я рассказал об этом самому актеру.

— Это не вина моя, а беда, — сказал Грибов. — Не хотел я Луку наделять каким-то обаянием. Вот я Фому Опискина в «Степанчикове» играю: нику и не могу найти в себе ту глубину мерзости, которая достойна героя...

Но, быть может, и не надо, чтобы была одна лишь мерзость, а не было ничего другого? Грибов делает доступным нашему пониманию природу всех своих героев, из какой бы эпохи он их не извлекал. В его исполнении даже Собакевич вызывает жалость, как вызывает ее всякая загубленная жизнь.

К. СТАНИСЛАВСКИЙ

Приход в театр нового зрителя я считаю одним из самых важных фактов нашей театральной жизни. Мы имеем теперь дело со зрителем жадным, восприимчивым, непосредственным, легко откликающимся на спектакль. Тем большие обязанности лежат на театре по отношению к зрителю... В нашей стране театр не имеет права лгать — он должен быть внутренне правдивым. Это и налагает огромные обязательства на актера и предъявляет такие же требования к его мастерству. 1932 г.

ПО ДОЛГОЙ ЛЕСТНИЦЕ

На репетиции в театре. А. Грибов — кюре в «Кола Брюньоне»: «Какое изумительное произведение «Кола Брюньон»! Очаровательное произведение! Я прочту несколько самых любимых страниц: встреча Брюньона с Ласочкой через тридцать пять лет...»

Слушайте пятую звуковую страницу

Мне кажется, Грибов и в роли платинового шкафа мог бы заставить зрителей улыбаться и страдать...

Диапазон психологических приспособлений Алексея Грибова исключителен. Гиацинтова сказала, что у этого актера не менее четырех сценических «октав»: «Он одинаково свободно владеет красками лирическими, драматическими, мягко комедийными, яростно сатирическими».

Он то монументален, то деревянно-ревматичен, то бесkosten, как тряпичная кукла. В роли мужика его руки подобны корневищам с необжитой земли; в роли Чебутыкина они потрескаются белизной и хрупкостью. В этой роли Грибов велик — самое уместное слово. Он играет ее в истинно мхатовском ключе: «Черт знает, какая сила. В такую-то пропасть провалился и меня за собой тянет», — говорил Немирович-Данченко.

Восьмилетний патриарх сцены вернулся в 40-м году во МХАТ, чтобы поставить «Кремлевские куранты». Роль Ленина поручили Грибову. Немирович учил актера «огню и пламени». «У Ленина все вдохновенно», — повторил он. И Грибов, вспоминая, сыграл Владимира Ильича «с молитвой»...

Это очень умный актер — глубоко народным, сердечным умом. Есть артисты, взлетающие к славе на скоростном лифте; многие потом проваливаются в безвестность, как в шахту. Грибов поднимался к славе по долгой лестнице, не мня ни одной ступени: его признание неколебимо. Из семьи потомственных рабочих, мальчишкой ставший за станком, он и в театре

остался человеком предельно рабочим: на восьмом десятке Грибов трудится, как двадцать, как сорок лет назад...

— Осень, — говорит он. — Листьяная метель. Утром по Новодевичьему гулял. Красиво там...

И смеется, отчего грустная тема становится еще острее.

— Третье поколение МХАТа... Нас называют балованными детьми — мы росли при Станиславском. Немного уже осталось, человек пять-шесть... Осень!...

Он ли? Старый лукавец говорит об усталости, а сам играет 25 раз в месяц, репетирует ежедневно, готовит новые роли...

Странная осень: она сверкает красками всех времен года.

Я прощаюсь и выхожу на площадку. Грибов останавливается в дверях, подмигивает, принимает дьявольски двусмысленную позу — есть в ней ухарство, насмешка и скрытая доброта.

Кто он сейчас? Аркадий Несчастливцев? Шмага моей юности?

Злодей ли, комик ли, герой? Он просто Грибов. Он говорит сцены слова, которые написаны не им; он подчиняется режиссерской деспотии: он лепит роль согласно образному строю пьесы. Но всякий раз, играя, он вносит и вносит нечто неповторимое, и есть в этой грибовской гамме горечь и злость, жемч и сострадание, юмор и лукавство и непременно — толчок теплоты, потаенной любви к людям, без которой, как сказано, можно говорить языком человеческим и ангельским, но все же оставаться «гуляющей метелью и кимвалом бряцающим».

Виктор БУХАНОВ

МАРИЯ ПАХОМЕНКО

Цена 1 руб.

МУЗАМИЛ МАГОМАЕВ

Минуло почти пятнадцать лет с тех пор, как ученица раиотехникума Мария Пахоменко в числе участников самостоятельного Ленинградского молодежного ансамбля впервые вышла на сцену с песней и разделила общий успех. Потом она пела в квартете Ленконцерта. С 1964 года Пахоменко — единичная хозяйка песни, которую исполняет. У нее есть свой творческий принцип — всегда быть первооткрывателем.

Поет Пахоменко просто, стремясь передать жанровое своеобразие песни, никогда ее не театрализуя, обращаясь к сердцу слушателя. Голос Пахоменко узнать легко — это «русский ручеек», как сказали одни из ее почитателей. А их много теперь, и не только в нашей стране, но и за рубежом. Последняя международная победа М. Пахоменко — конкурс «Золотой Орфей» — 71».

12

Муслима Магомаева по справедливости можно назвать одним из популярнейших певцов советской эстрады, но сам Магомаев с этим, пожалуй, не согласится, так как в своей исполнительской деятельности стремится примирить два одинаково дорогих ему жанра — классику и эстрадную песню. В 1969 году он участвовал в Международном конкурсе грампластинок в Каннах, призером которого стала и Мария Пахоменко. Магомаев вышел на сцену после того, как выступили Карел Готт, Мирей Матье, Том Джонс и запел... каватину Фигаро. Сначала зал был в веселом недоумении, но уже через несколько минут бурно аплодировал советскому исполнителю, получившему главный золотой приз фестиваля. «Советский цирюльник» — вмиг поистри всех звезд эстрады», — писала на следующий день французская газета.

В своих сольных концертах первое отделение певец отдает классическому репертуару, второе — эстрадной песне. В эстрадной песне у него своя, «магомаевская» манера исполнения, он как бы микширует голос. Появляются прекрасные полутона, мягкое ананиссимо, полурасговорные интонации. Но если есть в песне гражданская патетика, тогда страстного призыва, певец дает волю своему голосу, призванному исполнять партии Онегина, Риголетто, Фигаро...